СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ РОССИИ И ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА*

Глобальные трансформации современной цивилизации побуждают вновь обратиться *к проблеме цивилизационной принадлежности России***,** к основным социокультурным фактором, сформировавшим характерные особенности российского общества, его философию хозяйства и хозяйственно-экономическую культуру, а они, в свою очередь, во многом детерминируют выбор модели социально-экономического развития. Исторический опыт показывает, что выбор модели диктуется целым комплексом религиозных, этических, этнических, геополитических факторов, следовательно, поиск нужно вести не в русле абстрактных дискуссий, а на пути выявления специфических особенностей российского общества, его экономики и духовной культуры, нравственных ценностей и культурно-исторических традиций. Нет чисто экономических проблем, экономика всегда «погружена» в культуру.

Россия – самобытный тип цивилизации, рассмотрение которой целесообразно начать с *ценностно-религиозных установок общества.* Особую роль при таком подходе справедливо отводят *православию*, что имеет под собой целый ряд исторических оправданий: из 708 дошедших до нас рукописей XI–XIV вв. только 20 были светского содержания. По мнению социолога П.А. Сорокина, основные черты русского сознания и все компоненты русской культуры и социальной организации представляли собой идеологическое, поведенческое и материальное воплощение установок православия с конца IX до XVIII в. Православие в течение многих веков истории российского общества играло роль гораздо более значительную, чем любая иная конфессия.

Принятие православия и распространение на Руси соответствующих идей создавали прочную опору для наращивания культурного потенциала в противостоянии варварству и невежеству. Значение православия в становлении культуры России невозможно переоценить. «Если мы, русские, не окончательно варвары и скифы, – писал русский философ Н.А. Бердяев, – то потому лишь, что через Православную Церковь, через Византию получили связь с преданиями античной, греческой культуры»[1]. Итак, духовной основой России было православное христианство. *Рациональность в православии имеет вторично-вспомогательный характер, выступает как вынужденное средство толкования христианских истин и свободного, особого бого-*

* Статья дается в авторской редакции.

[1] *Бердяев Н.* Философия творчества, культуры и искусства // *Бердяев Н.* Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 528–529.

словского мнения. Не случайно в православии принятие веры – таинство, иррациональное поведенчество, а не умствование. Его истина не в отвлеченных понятиях, а в живой духовной жизни верующего человека в Церкви Христовой со всеми обновляющими его таинствами и дарами Божией Благодати. В этом духовная высота православного христианства, утерянная приземленной Западной Европой. С. Франк следующим образом охарактеризовал суть православия: «...в России великая духовная энергия, почерпаемая из безмерной сокровищницы православной веры, шла едва ли не целиком в глубь религиозного развития духа, почти не определяя эмпирическую периферию жизни; во всяком случае, она не определила собой общественно-правового уклада русской жизни, не воспитала веры в какие-либо освещенные ею принципы гражданских и государственных отношений». Духовная жизнь России развивалась таким образом, что она избежала рациональности, она не знала ни Реформации, ни Просвещения. Последнее было воспринято лишь незначительной частью дворянской элиты и осуществлялось «не столько как рационализация и крен разума, сколько как вера в разум и культ рационального»[2].

Характерная *для православной* России ценность – *соборность*. Находясь между двумя культурными полюсами – западным и восточным – и впитывая их, Россия объединила восточное подчинение индивида родовому клану, общине и западный индивидуализм, уважительное отношение к личности. С.Н. Трубецкой, развивая идеи славянофилов А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, выдвинул положение о «соборной природе сознания». Его формула гласит: мы, люди, во всех актах (теоретического и морального характера) «держим внутри себя сбор со всеми». Соборность неотделима от православия, которое, как известно, отличается большой терпимостью к другим верам. В свою очередь, веротерпимость православия зиждется не идее соборности.

Определяющим признаком соборности служит принцип «единство во множественности». В православии понятие «соборный» раскрывает возможность соединения людей на основе духовной общности. Она есть следствие, итог свободного человеческого начала, «свободы воли человека» и Божественного начала «благодати». В «соборности» присутствовала также активная сторона совместного взаимодействия – основа земской жизни, соседской взаимопомощи, а порой и местного самоуправления. До революции 1917 г. обе стороны «внизу» переплетались в русской общине и своеобразно согласовывались с самодержавием «наверху»: вера в царя-батюшку сопровождалась неприязнью

[2] Наше наследие. 1991. № 6. С. 62.

к опосредующему звену между ним и крестьянским «миром» (к царским слугам). Большевики заменили общину колхозом и трудовым коллективом предприятия, бесправными, но создававшими у работника ощущение коллективной защищенности.

В условиях *постсоциалистического развития* России снова встал вопрос о «русском пути» в реформировании России, который явился бы органичным развитием «русской идеи» (идеи, в ее духовном смысле сформулированной русскими религиозными философами Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, И.А. Ильиным, Л.П. Карсавиным, В.С. Соловьевым и др.) и привел бы хозяйственно-экономическую и материальную жизнь российского общества в соответствие с традиционными социокультурными идеалами и ценностями, на протяжении многих веков определявшими самобытность русской цивилизации и русских людей. Ценностным ядром «русского пути» является ориентация на соборность и народность, патриотизм, миролюбие и терпимость по отношению к другим народам, трудолюбие и нестяжательство.

В начале XX в. С.Н. Булгаков в сборнике «От марксизма к идеализму» поставил вопрос, особенно актуальный сегодня: «В чем современное сознание нуждается больше всего, какова духовная жажда современного человечества?» – и ответил на него вполне определенно: «Оно жаждет более всего того, что составляет основное начало всей философии Соловьева, ее альфу и омегу, – положительного всеединства»[3], которое неотделимо от софийности мира и «энергии солидарности», или любви, обеспечивающей «единство многих». Отсюда Булгаков сделал важнейший вывод: «Соборность есть пребывающая основа нашего бытия»[4].

Соборный, коллективистский идеал не означает стремления к уравнительному распределению. Н.А. Бердяев в «Философии неравенства» отмечал: «Уравнение в бедности, в нищите сделало бы невозможным развитие производительных сил. Неравенство есть условие всякого творческого процесса, всякой созидательной инициативы...» Сторонники самобытного пути выступают не против неравного распределения социальных благ как такового, а против несправедливых форм распределения, против неправедного богатства, порождающего социальные конфликты и страдания народа, богатства, разрушающего единство общества.

Развиваясь на стыке двух цивилизаций, Россия испытала также огромное экономическое и политическое влияние Востока: с XV

[3] *Булгаков С.Н.* От марксизма к идеализму: Сб. статей: 1896–1903. СПб., 1903. С. 195.
[4] *Булгаков С.Н.* Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 411.

до XVIII в. преобладал близкий к азиатскому тип социально-экономических и политических структур с присущей ему спецификой классообразования, который оказывал определенное воздействие на формирование национального характера, социальную психологию представителей всех национальностей, населявших Россию. *«Азиатский способ производства»* характеризовался тем, что хозяйство было основано не на частной собственности; ее место занимала власть – собственность государства, существовавшая за счет ренты – налога, взимаемого с социальных корпораций (общин). На Западе государственная организация общества постепенно формировалась снизу, на основе взаимных привилегий и обязанностей, которые послужили основой государственно-демократических форм правления. В России государственная организация общества происходила сверху. До середины XVIII в. сословия различались не правами, а повинностями. *Сильная государственная власть* сосуществовала с развитым *институтом местного самоуправления*, высокую оценку которому дал известный русский правовед И. Ильин, назвав его «корпоративным самоуправлением». «Азиатский способ производства» определил индифферентное отношение к свободе и самой жизни личности, которое трансформировалось в крепостное право и самодержавие.

Итак, в России, в отличие от Европы, личностное начало не стало самостоятельным фактором, определяющим историческое развитие. Вместе с тем в обществе, ограниченном традиционной самодержавной властью, постоянно накапливалась избыточная энергия, которая при достижении «критической массы» нарушало равновесие. Достичь же стабильности можно было лишь на новом уровне, пройдя через внутреннюю культурную трансформацию. Такие трансформации стимулировались вмешательством государства. Таким образом, *особая миссия государства заключалась прежде всего в том, что именно оно было главным фактором, обеспечивающим культурный прогресс нации.* При этом на протяжении всего исторического пути Российское государство попеременно являлось то созидающей силой, то тормозом, что приводило к стагнации и нарушению государственной формы. Это воспринималось российским народом болезненно. И такая реакции объяснима: утрата государственности для России означала потерю исторической перспективы, так как власть была ресурсом, который питал эволюцию культуры, не давая ей застыть, наподобие многих культур Востока.

Государственное устройство России – это история идеи организации общества, это «симфония». Восточнохристианская идея о взаимоотношениях и взаимосвязях государства и общества трактует их

центральный вопрос как поиск смысла жизни и внутреннее преобразование личности. Она берет начало в Византии (теория богоустановленности абсолютной власти) и на Востоке (практические образцы абсолютного властвования). *Идея симфонии – «взаимного согласия при независимости каждой из областей во взаимоотношениях Церкви и государства»* – давала возможность влиять не извне, но изнутри, как считал С.Н. Булгаков, обусловливала силу светского государства, где подчинение осуществлялось в рамках обязанностей, отсутствовала строгая и устойчивая сословная организация, сословия отличались не правами и привилегиями, а характером обязанностей, возложенных на них государством. Отражение этих идей в системе отношений «человек – общество» определило качественно различную роль государства. Роль государства всегда была инициативной, активной и регулирующей. В России она проявлялась в том, что реформы всегда осуществлялись «сверху» (деятельность московских князей, реформы Петра I, освобождение дворян от обязательной государственной службы, отмена крепостного права и т.д.), поэтому через всю историю России проходит особое отношение к власти.

Обратимся к психологии. Следует сказать, что представители различных психологических школ дают различные названия доминирующему среди *русских психологическому типу.* Последователи психоаналитической школы З. Фрейда связывают этот тип с «женским» началом и в связи с этим обретение «жениха» рассматривают как ведущую функцию русского этноса. Необходимо вспомнить, что Н. Лосский возражал тем, кто приписывал русскому народу женственную природу: «Это не верно: русский народ, особенно великорусская ветвь его, народ, создавший в суровых исторических условиях великое государство, в высшей степени мужественен; но в нем особенно примечательно сочетание мужественной природы с женственной мягкостью. Кто жил в деревне и вступал в общение с крестьянами, у того, наверное, всплывут в уме живые воспоминания об этом прекрасном сочетании мужества и мягкости».

Представители школы аналитической психологии К.-Г. Юнга относят *русский психологический тип* к интуитивно-чувственному или *«интуитивно-этическому интроверту»,* сильной чертой которого является способность к предчувствию, прежде всего когда это касается сферы человеческого, слабой – отношения с объективной, материальной стороной мира. Особенность этого психотипа заключается в том, что функции конкретной деятельности и волевой мобилизации являются «слабыми», находятся, выражаясь языком Э. Берна, на уровне

«ребенка». Давление на такие точки вызывает к жизни «детское начало», и в первую очередь обращение к «старшему» – государству. Однако в России упование на государство сочетается с отчуждением от него. Государство, власть – это «они», а не «мы» (отечество, страна). Такая установка предполагает восприятие государства в качестве внешней силы, не зависящей от индивидуума. «...Государственная власть всегда была внешним, а не внутренним принципом для безгосударственного русского народа; она не из него созидалась, а приходила как бы извне, как жених к невесте», – писал Н.А. Бердяев в «Философии неравенства».

Подобная двойственность отношения человека к господствующему над ним государству глубоко въелась в ядро российского самосознания. В России еще со времен Московии господствовала *«государственническая концепция» централизованного, административно-бюрократического управления* обществом авторитарного типа с идеологическим обоснованием, базирующимся на слепой вере. В русском же менталитете идеалом народным было «государство правды». По этому поводу Вл. Соловьев писал: «Всякая власть, не представляющая собой безусловного начала правды, всякая такая власть есть насилие и подчинение ей может быть только вынужденное... Свободное же подчинение каждого всем очевидно возможно только тогда, когда эти все сами подчинены безусловному нравственному началу, по отношению к которому они равны между собой, как все конечные величины равны по отношению к бесконечности»[5].

В истории русской общественной мысли ярким «государственником» был И.А. Ильин, посвятивший значительную часть своего творчества проблеме российской государственности и национальной культуре. Категорически возражая противникам государства, он доказывал: «...меры подавления и расправы, к которым государственная власть бывает вынуждена прибегать, совсем не определяют сущность государства. Это есть дурной предрассудок, вредное недоразумение, распространенное близорукими и поверхностными людьми... На самом деле государство творится внутренне, душевно и духовно... Высшая цель государства отнюдь не в том, чтобы держать своих граждан в трепетной покорности, подавлять частную инициативу и завоевать земли других народов; но в том, чтобы организовать и защищать родину на основе права и справедливости, исходя из благородной глубины здорового правосознания»[6].

---

[5] *Соловьев В.* Чтения о богочеловечестве. Чтение первое. М., 1994. С. 39–40.

[6] *Ильин И.А.* Путь к очевидности. М, 1993. С. 258, 260.

Современные формационные трансформации основываются на *традиции конкретной правовой культуры.* Как известно, в Европе был выработан всеобщий регулятивный принцип, подкрепленный со времен Просвещения идеей соответствия закона естественным потребностям человека: «Идея естественного права стоит выше закона и политической власти». В русском менталитете идею «естественного права заменяли идеалы добродетели, справедливости и правды – нравственное, но не правовое отношение к закону и праву», и это объяснимо. Вместе с православием Русь приняла и греко-византийскую идею правового порядка. В правовой культуре России большая роль принадлежит обычному праву. Законодательная практика на Руси была связана с установлением предела, который не нарушил бы существующих традиций. *Русский человек менее законник, для него содержание важнее формы, для него нет места холодной справедливости, а буква закона для него – бездушная, отрицательная, карательная сила. Добро и справедливость* – моральные ценности, высоко стоящие в русской ценностной шкале, – в традиционном понимании не связываются с законностью и правом, а порой и противопоставляются им. «Как вас судить, по закону или по справедливости? – грозно вопрошает барин. «По справедливости, батюшка» – ответствуют крепостные крестьяне... «Суди по совести, а не по закону» – таково отношение россиян к праву. Отсюда вытекает исторический и жизненный опыт: «закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло».

Какое государство, какая власть, какие законы соответствуют российской традиции? Проблемы государства, отношений государства и народа, природа власти и ее механизм – вот перечень основных вопросов, освещенных в работах К.П. Победоносцева, крупнейшего государственного деятеля России, обер-прокурора Священного Синода и блестящего правоведа. Победоносцев, – один из первых русских мыслителей, кто избежал влияния теоретических формулировок и для кого теоретические суждения об обществе оставались вероятностными, а не безусловными построениями: «Жизнь не наука и не философия, она живет сама по себе... живым организмом»[7]. Следует доверять, считал он, прежде всего «инстинктам жизни» и быть предельно осторожным в попытках ее изменить, так как жизнь, как и любой естественный процесс, иррациональна по самой своей природе. А бессознательное «чувство» закономерностей бытия никогда не удается адекватно рационализировать в системе научных понятий. Самое главное – народные обычаи, верования, предания, мировоззренческие

[7] *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 78.

установки и национальные идеалы, их разрушение означает распад самих основ жизни народа и его духа.

Будучи опытным государственным деятелем, К.П. Победоносцев хорошо знал механизм власти, ее возможности и границы, а также типичные пороки ее носителей. Сколько ни живет человечество, оно постоянно страдает, то от чрезмерности власти, то от ее безвластия, и трудно сказать, что хуже. Но в любом случае природа власти такова, что постоянно порождает злоупотребления ею, а это, в свою очередь, приводит к саморазложению всякой власти, лишенной прочной духовной основы. «Как бы ни была громадна власть государственная, она утверждается не на чем ином, как на единстве духовного самосознания между народом и правительством...»[8] Таким образом, с нравственных позиций необходимо определять природу власти как «мерило правды». Предназначение и призвание власти – служить высшим ценностям. Власть не для себя существует, но ради Бога и есть служение, на которое обречен человек.

К.П. Победоносцев хорошо понимал, что русское народное правосознание носит, по сути, анархистский характер. Чувство уважения к закону и доверие к государственной власти, изначально достаточно слабые, удерживались в России только благодаря освещению их православной традицией. Если ее влияние ослабеет, то это грозит распадом самих основ правосознания, и, следовательно, неминуемой гибелью русской государственности. Поэтому он всей своей практической деятельностью пытался пресечь разрушительные для национально-государственной традиции тенденции, рядившиеся в одежды «цивилизованности», «прогресса», «демократии», надеясь, что русское общественное сознание найдет себе спасительную опору в таких вечных ценностях, как Бог, вера, отечество, народ, семья.

Особенности цивилизационно-экономической модели России в большей степени были определены *сложившимся институтом собственности.* Запад унаследовал от Римской империи понятие частной собственности, опирающееся на хорошо организованную базу юридических норм. Собственность имела самостоятельное значение и не обязательно идентифицировалась с властью. Многовековая культура частной собственности развила такое качество личности, как хозяйственный индивидуализм, до экономического рационализма, важного не только для отдельной личности, но и для экономики в целом. Феномен собственности в России имеет особую культурно-историческую традицию. Так, учение преподобного Кассиана Римлянина, знамени-

[8] *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. С. 141.

того подвижника конца IV – начала V в., ученика Иоанна Златоуста, о собственности обрело жизнь в свободной русской общине, сложившейся до царствования Алексея Михайловича, т.е. до окончательного закрепощения частновладельческих крестьян и прикрепления государственных (дворцовых и черных) крестьян к земле в Древней Руси. Для Кассиана Римлянина «собственность ни благо, ни зло, но нечто среднее, могущее стать благом или злом». Православное христианство также не дает основания для какой-либо определенной экономической системы, но дает критерий, как в различных случаях судить о собственности. А этот критерий – духовное благо человека.

В. Шубарт, прибалтийский немец, знавший русский язык и русскую культуру, противопоставлял *два типа человека: прометеевский*, или героический, и иоанновский, или мессианский. Героический человек, считал Шубарт, видит в мире хаос, который он должен оформить своей организующей силой; он полон жажды власти; он удаляется все дальше и дальше от Бога и все глубже уходит в мир вещей. Таковы «романские и германские народы современности». *Иоанновский* (представителями этого типа он считал славян, прежде всего русских), мессианский человек чувствует себя призванным создать на земле высший Божественный порядок, чей образ он в себе роковым образом носит. Он хочет восстановить вокруг себя ту гармонию, которую он чувствует в себе. Так ощущали первые христиане и большинство славян. Своей книгой «Европа и душа Востока» В. Шубарт хотел повлиять на «европейское самопознание путем контраста». «Запад подарил человечеству наиболее совершенные формы техники, государственности и связи, – писал он, – но… лишил его души. Задачей России является вернуть ее людям... Только Россия способна одухотворить человеческий род, погрязший в вещности и испорченный жаждой власти», и это несмотря на то, что в настоящий момент «сама она мучается в судорогах большевизма»[9]. Шубарт тонко подметил суть философии системы: «собственность – богатство – свобода… Русскому, – писал он, – свойственно стремление к свободе... от оков всего преходящего и бренного … среди европейцев бедный никогда не смотрит на богатство без зависти, среди русских богатый часто смотрит на бедного со стыдом. В русском живо чувство, что собственность владеет нами, а не мы ею, что владение означает принадлежность чему-то, что в богатстве задыхается духовная свобода»[10].

Современное реформирование и приватизация в экономике России вновь поставили вопрос о приоритетах и ценностях в процессе обще-

[9] Цит. по: *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра. М, 1991. С. 244–245.
[10] Там же. С. 279.

ственно-исторического развития. Нормальное состояние общества, по убеждению В.С. Соловьева, может и должно решительно противодействовать существованию и развитию бездуховного климата, который неизбежно ведет к тому, что показателями общественного сознания становятся корыстолюбие, обман, стремление к обогащению любой ценой, что, в свою очередь, приводит к формированию «ущербного» человека, ориентированного не на духовное развитие, а на приобретение все более и более значительного капитала, все большего количества материальных ценностей. Соловьев уверен в том, что нормально функционирующее в экономическом отношении общество является показателем того, что в нем существует гармоничное соотношение между нравственностью и экономикой, духовной и материальной сферами; факт экономических бедствий, наоборот, свидетельствует о том, что экономические отношения не связаны, как должно, с началом добра, не организованы нравственно. Последнее характерно, как считал философ, для современного ему общества; к сожалению, оно чрезвычайно актуально и сегодня.

Если современное состояние образованного мира ненормально в нравственном отношении, то виною этого не то или другое учреждение само по себе, а общее понимание и направление жизни в современном обществе, в силу которых главным делом все более и более становится вещественное богатство и сам общественный строй решительно превращается в плутократию. Общественная безнравственность заключается не в индивидуальной и наследственной собственности, не в разделении труда и капитала, не в имущественном неравенстве, а именно в плутократии, которая есть извращение должного общественного порядка, возведение экономической области на степень высшей и господствующей и низведение всего остального до значения средств и орудия материальной выгоды[11].

Проблема места и роли экономики в жизни общества занимает важное место в философии Н.А. Бердяева. В статье «Человек и машина» он отметил: «...бесспорно, экономика есть необходимое условие жизни, без экономического базиса невозможна умственная и духовная жизнь человека, невозможна никакая идеалогия. Но цель и смысл человеческой жизни лежит совсем не в этом необходимом базисе жизни. То, что является наиболее сильным по своей безотлагательности и необходимости, совсем не является от этого наиболее ценным». Бердяев пытался «дематериализовать материалистическое понимание истории» – утверждал, что между экономикой и духовным состоянием общества есть зависимость, но «идеологический ряд»

[11] См.: *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 414.

не является простым порождением «экономического ряда», а поэтому «от качества духа зависит характер хозяйства». В итоге он дал определение хозяйства, которое «не есть явление мертвой материальной природы, оно насквозь пропитано духовными энергиями человека и предполагает общение между человеком и природой, их взаимопроникновение»[12].

Рассуждая о собственности, русские философы рассматривали ее не столько с политэкономической, сколько с философской точки зрения, как вещественное проявление самовыражения человека, его творческих способностей. «Добывание из природы хозяйственных благ есть духовное действие, в котором недра природы раскрываются для приходящего владеть ею мужа», – отмечал Бердяев. Нужда, отсутствие собственности, по мнению философа, есть «выражение некосмического состояния мира, окончательное преодоление материального состояния мира, которое означает некосмическое, разодранное и скованное его состояние», т.е. разрушение космического единства материи и духа, лишение человека его творческого, созидательного начала. Неслучайно П.Б. Струве видел задачу возрождения «русского духа», его «возвращения домой» в создании собственности «как прочного настроения и устремления народных масс»[13].

Сегодня, в период глубоких социальных трансформаций в России, вопрос о собственности один из важнейших. Мы в целом разделяем позитивное отношение к собственности, если только ее накопление не противоречит базовым нравственным и духовным ценностям отечественной традиции. Следует отметить, что термин «собственность» появился в России только во второй половине XVIII в. Толковый словарь В.И. Даля определяет собственность как «собь» или «со́бина», которая наряду с имуществом и пожитками включает нравственные, духовные и все личные качества человека.

В отечественной традиции *собственность и труд* – две взаимосвязанные и взаимообусловленные стороны культуры, прежде всего справедливая собственность мыслится исключительно как функция труда. В соответствии с этим, с одной стороны, труду приписывается дисциплинирующая и воспитывающая роль, а с другой – он рассматривается как проявление творческих сил человека: труд никогда не сводился к совокупности действий или навыков, а рассматривался как проявление духовной жизни, причем трудолюбие было характерным выражением духовности. Уже в Киевской Руси в традициях монаше-

[12] *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М., 1990. С. 235.

[13] См.: *Струве П.Б.* Отечество и собственность // Русская философия собственности. СПб., 1993. С. 268.

ства были заложены истоки отношения к труду как к ценности нравственного порядка. Преподобный Феодосий Печерский, основатель Киево-Печерского монастыря, даже в игуменском сане выполнял тяжелые хозяйственные работы, часто брал на себя послушание, назначенное другим. Г.П. Федотов отмечал, что именно Феодосий Печерский заложил основы отношения к труду как к деятельности богоугодной, поставив труд в один ряд с молитвой: «Сравнительно умеренные аскетические упражнения восполняются непрерывностью его трудов. Крепкий и сильный... Феодосий работает за себя и за других. При игумене Варлааме он по ночам мелет жито для всей братии. Став сам игуменом, он всегда готов взяться за топор, чтобы нарубить дров, или таскать воду из колодца, вместо того чтобы послать кого-нибудь из свободных монахов. "Я свободен", – отвечает он келарю. Трудовая, деятельная жизнь Феодосия больше всего бросается в глаза, она заполняет преимущественно страницы его пространного жития»[14].

Необходимо вспомнить, что *православный идеал трудолюбия, как и понимание собственности, воплотился в споре «стяжателей» и «нестяжателей»*. У Нила Сорского и «нестяжателей» он состоял в «умном делании», т.е. во внутреннем духовном труде, мистическом созерцании, борьбе с греховными помыслами. «Внешняя» трудовая аскеза, если она не сопровождалась «внутренним» трудом, не имела для преподобного Нила ценности, и его сподвижники занимались не столько хозяйственной работой, сколько молитвенным созерцанием и интеллектуальным трудом, отрешаясь от мира не только с его трудами и суетой, но и со всеми проблемами и противоречиями. Иным было представление о месте труда в православном монашеском идеале у Иосифа Волоцкого и «стяжателей». Здесь на первом месте было социальное служение Церкви, помощь бедным и обездоленным, смягчение мирской несправедливости, и одной из основ социального служения была трудническая аскеза монахов. Усилия по организации хозяйственного «внешнего» космоса ставилась выше, чем духовный подвиг (отсюда и порицание «стяжательства» за подрыв высокого духовного идеала православной культуры). Однако и в «стяжательстве» труд и приобретаемые им блага имели не корыстный характер; они были призваны служить общему благу.

В XV–XVI вв. эти проблемы нашли отражение и в Домострое. Его редактор-составитель и соавтор – священник Сильвестр, выходец из торгово-промышленной среды Новгорода, различал «стяжание праведное» и «стяжание неправедное»; с понятием «стяжание правед-

[14] *Федотов Г.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 61.

ное» он тесно связывал понятие «праведные труды». Наличие богатства не освобождает человека от его обязанностей и каждодневного труда. Домострой различает два термина, обозначающих обязанности человека, а именно «работа тяжкая» и «праведный труд», труд как наказание за первородный грех и труд как путь спасения и служения Богу, а трудолюбие и бережливость расцениваются как формы проявления христианского подвига мирского человека.

С.Н. Булгаков отмечал, что именно христианство восстанавливает религиозно-этическую ценность труда и хозяйства, самым решительным образом осуждая антиэкономический аристократизм платонизма. «Кто не работает, да не ест» – эти слова апостола Павла, подтвержденные примером трудовой жизни всех апостолов, выражают внутреннюю оценку труда в христианстве. Труд, по мнению философа, получает значение не только естественного выражения связи между человеком и миром посредством фактора космоургического, но и могучего средства духовного самовоспитания, аскезы.

Труд, собственность, богатство – сущностные категории философии хозяйствования России. На Западе и собственность, и труд, и богатство имеют самостоятельное экономическое значение, *в России собственность, труд и богатство* необходимо рассматривать в органическом единстве. Это особая философия хозяйствования, отражающая социальную и культурную самобытность России. У русского народа смысложизненные ценности оставались из века в век во многом исторически традиционными, т.е. укорененными: дом, семейное хозяйство, теплые соседские отношения, коллективистские отношения артельного хозяйства (позже колхозно-совхозное), приверженность российских предпринимателей идеалам общественного служения, особое отношение к земле как к «матушке-кормилице». Сохранение этих и других корневых ценностей дает основание говорить о соборности хозяйства, труда и богатства. В русской философии они синтезированы в идее теократического хозяйства. Неслучайно Бердяев критиковал понимание труда при марксистском и классовом социализме, который «...обоготворяет экономический производительный труд… к которому относится как к фетишу»[15]. Бердяев определил высший смысл труда, его теократическое предназначение: «Трудиться должно не для самого себя и не для других людей, а для мирового смысла, в котором находит свое место каждое индивидуальное усилие... Труд не должен быть заботой о завтрашнем дне, и богатство не должно быть

[15] *Бердяев Н.А.* Правда социализма // Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 166–167.

рабством у материальных вещей, мешающих войти в Царство Небесное. Трудиться нужно во имя Бога, и трудовая общественность должна стать теократической. Богатство в теократическом обществе не будет рабством, а будет роскошью полевых линий и птиц небесных»[16].

По мнению С. Булгакова, христианство формирует *определенное отношение к экономике и экономическое поведение* – «христианский сверхэкономизм». Человеку, духовно пребывающему в мире, но им всецело не охваченному, христианство дает руководящие нормы экономического поведения, вытекающего из общего религиозного идеала: оно является в отношении к хозяйству аскетическим экономизмом, или экономической аскезой, оно отрицает духовную бесконтрольность хозяйства, предоставленного своим инстинктам, и стремится сделать экономическую деятельность религиозным служением, а богатство – средство богоугождения. Тем самым, оно признает хозяйство областью действия благой воли[17]. Как можно накормить голодного, напоить алчущего, одеть нагого и приютить бесприютного? – вопрошает Булгаков. Он раскрывает суть христианского понимания богатства, которое есть своеобразное орудие: если человек может правильно его употреблять, оно послужит ему к оправданию, а если неправильно, то человек может оказаться служителем несправедливости. Булгаков оправдывал имущество и даже считал его полезным, если человек распоряжается им с мудростью, умеренностью и благочестием[18].

Всеобщая форма собственности и личного богатства – это трудовой достаток. В отечественной социокультурной традиции сформировалось *понимание богатства,* совершенно отличное от того, что сложилось в Европе. Трудовое понимание богатства как достатка и благополучия основано на особых социально-духовных феноменах российской самобытности, сформировавшейся под влиянием природно-климатических условий, православных ценностей, идей соборности, особых форм организации трудовых коллективов на принципах взаимопомощи, сопричастности, трудовой солидарности, дружбы, которые вырабатывались веками, а они, в свою очередь, составляют духовное богатство народа. В культуре России духовное богатство первичнее материального, у русского народа есть черта, которая ставит в тупик многих экономистов и социологов, – «дух нестяжательства», выражающийся в отсутствии у значительной его части стремления к материальному богатству, накопительству, энергичному стяжанию

[16] *Бердяев Н.А.* Правда социализма // Новое религиозное сознание и общественность. С. 171.
[17] См.: *Булгаков С.* Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве. М., 1916. С. 39.
[18] См. там же.

материальных ценностей. «Дух нестяжательства» отражает иной приоритет жизненных ценностей, сложившихся в народной культуре: материальные блага не занимают главного места в жизни.

Два противоположных начала, считал Бердяев, легли в основу формирования русской души: природная, языческая, дионисийская стихия и аскетически-монашеское православие. Душа России – не буржуазная душа, – это душа, не склоняющаяся перед золотым тельцом, и уже за одно это можно любить ее бесконечно. «Русский народ, – писал философ в работе "Русская идея", – наименее мещанский из народов, наименее детерминированный, наименее прикованный к органическим формам быта, наименее дорожащий установленными формами жизни...»[19]. Это во многом связано, по мнению Бердяева, с тем, что русские «подавлены» необъятными полями и необъятными снегами, «растворены» в этой необъятности, в отличие от немца, который «чувствует себя со всех сторон сдавленным, как в мышеловке» и ищет спасения в организованности и напряженной активности.

Презрение к мещанству – в высшей степени характерная черта русского общества, читаем у Н. Лосского, именно презрение к буржуазной *сосредоточенности на собственности,* на земных благах, на том, чтобы «жить как все». А.И. Герцен, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, познакомившись с жизнью Западной Европы, с отвращением описывают мещанский характер ее. Иванов-Разумник написал весьма обстоятельный трехтомный труд «История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века», в котором утверждает, что термин «мещанство» идет от Герцена, разумеющего под ним коллективную посредственность, умеренность и аккуратность, ненависть к яркой индивидуальности... Так, борьба против мещанства, т.е. против буржуазного умонастроения и строя жизни, ведется русской интеллигенцией во имя достоинства индивидуальной личности, во имя свободы ее, против подавления ее государством или обществом, против всякого низведения ее на степень лишь средства.

Важнейший критерий цивилизационного развития – взаимосвязь общества и природы, которая осуществляется через хозяйственный процесс, через социально-практический способ бытия. Предвидя ситуацию, которая складывалась в России и мире под воздействием «научного социализма», Вл. Соловьев писал, что нелепо и наивно надеяться создать правильное человеческое общество и универсальную науку, достигнуть единства и целостности, исходя из материального начала розни и случайностей: «Попытка действительно положить в основу

[19] *Бердяев Н.А.* Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 217.

жизни и знания одно материальное начало, попытка на деле и до конца осуществить ту ложь, что о хлебе едином будет жив человек, такая попытка неизбежно бы привела к распадению человечества... к всеобщему хаосу». Соловьев утверждал, что земля отказалась кормить человечество и поэтому нужна новая философия хозяйства – *«хозяйство как софийный процесс»* – для того, чтобы избежать возникшей опасности. «Общая опасность… должна соединить и верующих и неверующих, – считал Соловьев. – И тем и другим пора признать и осуществить свою солидарность с матерью-землей, спасти ее от омертвления, чтобы и себя спасти от смерти. Но какая же может быть у нас солидарность с землей, какое нравственное отношение к ней, когда у нас нет этой солидарности, этого нравственного отношения даже между собою»[20].

Благодаря взаимосвязи православия с раннеземледельческой религией, в нем по сравнению с католицизмом и протестантизмом с особой силой проявляется идея благословения Богом любой твари, всего живого. Принцип «святости твари» является одним из основных для верующего человека и важнейшим элементом его нравственности. П.А. Флоренский в своем фундаментальном богословском труде «Столп и утверждение истины» (1914 г.) посвятил этому вопросу целую главу под названием «Тварь». Опираясь на Библию, он писал: «...замечательно совершенное тождество Божьего завета, с человеческой и прочей тварью. Это не два различных завета, это один завет со всем миром, рассматриваемым как единое существо, возглавляемое человеком.... Только в христианстве тварь получила свое религиозное значение, только с христианством явилось место для «чувства природы», для любви к человеку и вытекающей отсюда науки о твари».

Другую сторону проблемы «Логос побеждает Хаос» Флоренский развил в работе «Макрокосм и микрокосм», написанной в 1917–1922 гг. Отмечая «идеальное сродство мира и человека, их взаимообусловленность, их пронизанность друг другом, их существенную связанность между собою», П. Флоренский ставил актуальную проблему о «благом управлении миром со стороны человека». Уже в эти годы он понимал, что в отношении человека к природе возникли противоречия: «Трижды преступна хищническая цивилизация, не ведающая ни жалости, ни любви к твари... движимая не желанием помочь природе проявить сокрытую в ней культуру, но навязывающая насильственно и условно внешние формы и внешние цели. Но, тем не менее, и сквозь кору наложенной на природу цивилизации все же просвечивает,

[20] *Соловьев В.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 535.

что природа – не безразличная среда технического произвола, хотя до времени она и терпит произвол, а живое подобие человека»[21].

В 1929 г. в письме В.И. Вернадскому, развивая его учение о биосфере, П.А. Флоренский пришел к мысли «о существовании в биосфере... особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или в круговорот духа – пневматосферы». Таким образом, по мысли Флоренского, высшая стадия космической эволюции связана с духовным развитием человечества. Неслучайно Н.А. Бердяев охарактеризовал жизнь св. Франциска как «величайший факт христианской истории после жизни Самого Иисуса Христа», поскольку Франциск вошел в историю в качестве основателя католического ордена нищенствующих и стремился заменить несомненно содержащуюся в Библии идею господства человека над природой идеей «равенства всех тварей».

Современное западное общество все чаще называют обществом потребления. Если в XIX–XX вв. основными источниками социальной дифференциации были социальный класс, раса или гендер, то в конце XX в. на смену им пришли образцы потребления и человек-потребитель, отдавший свою «рациональность» на откуп «вещи».

Следует сказать также, что *С.Н. Булгаков критиковал основные положения политической экономии, проникнутые своеобразным эвдемонизмом.* Согласно им, рост потребностей и, следовательно, удовольствия от их удовлетворения является основным принципом экономического развития. Эвдемонизм опасен, так как чреват разрывом между нравственным и чувственным потребностями. Такое потребление, «не возбуждающее, а подавляющее деятельность духа, является... нравственной болезнью, нравственным убожеством, проистекающим уже от богатства, а не от бедности». В «Философии хозяйства» Булгаков определял *труд и хозяйственную деятельность как фрагмент Божьего космогонического замысла, как один из путей очищения, спасения и воскресения*. Человек как субъект свободной хозяйственной деятельности обязан действовать в согласии с природой, относясь к нес бережно, рачительно; он не должен разрушать природу своей экономической деятельностью. Не максимальное извлечение из природы всего, что только возможно для ублажания человека, а нравственное отношение к ней, которое требует личной ответственности каждого.

Утверждая примат духовного над материальным, культуры над политикой и экономикой, Н.А. Бердяев отмечал, что это истинное соотношение оказалось нарушенным во многом потому, что человеку удалось вызвать к жизни, реализовать новую действительность. Это

[21] *Флоренский П.А.* Макрокосм и микрокосм // Богословские труды. Сб. 24. М., 1983. С. 233.

есть показатель страшной мощи человека. Это указывает на его творческое и царственное признание в мире. Но также и показатель его слабости, его склонности к рабству. Машина имеет огромное не только социологическое, но и космологическое значение, и она ставит с необычайной остротой проблему судьбы человека в обществе и космосе. Это есть проблема отношения человека к природе, личности к обществу, «духа к материи, иррационального к рациональному»[22].

Особое въдение проблемы «общество – космос» развили русские космисты (Н.Ф. Фёдоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, Л.Н. Гумилёв). Они соединили самобытные ценности отечественной истории культуры с научными концепциями о мире. Космизм обусловлен самой природой человека как планетарного космического существа. В.И. Вернадский назвал «вселенскостью» ощущение неразделенности с бесконечной природой, присущее людям. «Вселенскость» включает в себя рациональные, эмоциональные, волевые и другие черты личности, поэтому можно сказать, что русский космизм – это и наука, и психология, и искусство, и поэзия, и религия.

Контуры религии будущего, которая необходима уже сегодня, в эпоху глобализации, когда общественное развитие ориентируется на рынок и рыночные отношения, на извлечение максимальной прибыли за счет природы и природных ресурсов, наметил Д. Андреев в «Розе мира». Он связывал развитие человечества с новым типом взаимоотношений человечества и природы, который должен сочетать языческую жизнерадостность, монотеистическую одухотворенность и широту знаний научной эры, претворяя все эти элементы в высшее единство соответственным духовным опытом рождающей религии Итога. Таким образом, суть новой религии – войти возможно глубже в Природу, в жизнь стихий, притом войти не как разрушителю и не как любознательному испытателю, а как сыну, после многолетних скитаний на чужбине возвращающемуся в отчий дом.

Вернемся к вопросу о модели развития российской цивилизации. В «Философии хозяйства» С.Н. Булгаков отмечал, что политическая экономия со своим экономизмом особенно нуждается в философском пересмотре и углублении своих основ, в освежении их философским сомнением, и это справедливо. Одних экономических проектов и законов, объясняющих изменения в обществе недостаточно.

Выступая в 1908 г. перед студентами христианского кружка, С.Н. Булгаков сказал: «Мы опытно познали, что нельзя безнаказанно

[22] *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства // *Бердяев Н.А.* Соч. Т. 1. С. 508.

нарушать заповеди: “ищите прежде всего Царство Божия и правды Его, и вся прочая приложится вам”. Мы заботились исключительно об этом прочем, оставляя в небрежении духовный мир человека, эту подлинно творческую силу истории... И в этом лежит подлинная причина нашего исторического бессилия, слабости творчества при такой энергии разрушения. Только обновленному человеку посильна задача устроения расстроившейся жизни, но обновление это создается не пересмотром программ или тактики или новой политической комбинацией... не в парламентах или народных собраниях происходит теперь решительное столкновение добра и зла, но в душах людей, и исторические судьбы России взвешиваются ныне в той незримой внутренней борьбе, которая происходит в русской душе»[23]. Это высказывание сегодня кажется актуальнее, острее и справедливее, чем тогда.

Опыт конца XX – начала XXI в. показывает, что российские реформы не вписываются в какие-либо стандарты, что *модель развития России предполагает опору на специфические национальные особенности его духовной культуры, нравственных ценностей,* что *механизм социальной наследственности,* своеобразный генетический код, связанный со стереотипами массового сознания, менталитетом, нуждается в исследовании. Здесь пока много необъяснимого с позиций рационализма, отвергающего с порога все, что не поддается строгой детерминации и логическому объяснению.

Особенность развития России, ее истории и культуры во многом определяется «тайной соотношения мужественного и женственного», несоединенностью этих двух начал, тем, что «безграничная свобода оборачивается безграничным рабством, вечное странничество – вечным застоем». Причину этого Бердяев видел в том, что «мужественная свобода не овладевает женственной национальной стихией в России изнутри, из глубины». Отсюда, считал философ, вечная зависимость от инородного... все мужественное, освобождающее и оформляющее было в России... не русским, заграничным, западноевропейским, французским, немецким, греческим в старину. Россия, столь своеобразная, столь необычайного духа страна, постоянно находилась в сервилистическом отношении к Западной Европе»[24]. Из этого безвыходного круга есть только один выход: *раскрытие внутри самой России, в ее духовной глубине мужественного, личного оформляющего начала, овладение собственной национальной стихией, имманентное пробуждение мужественного, светоносного сознания.*

[23] Русская мысль. 1908. № 37. С. 103.

[24] *Бердяев Н.А.* Анархизм – явление русского духа // Русский индивидуализм: Сб. ст. М., 2007. С. 163.

Но раскрытие мужественного духа в России не может быть прививкой к ней серединной западной культуры... Россия пророчески должна перейти от ожидания к созиданию, но ее тип созидания другой, нежели в странах Запада. *В ней нет «дара создания средней культуры»,* и в этом, как утверждал Бердяев, *«тайна русского духа, который всегда устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем».*

Тайна «особенной судьбы в том, что Россия с ее аскетической душой должна быть великой и могущественной»[25]. В России откровение человека может быть лишь религиозным, лишь раскрытием внутреннего человека, Христа внутри. Культура должна стать более интенсивной, активно овладевающей недрами и пространствами, а «государство должно стать внутренней силой русского народа, его собственной положительной мощью, его орудием, а не внешним над ним началом, не господином его... Если Русское государство доныне хотело существовать пассивностью своего народа, то отныне оно может существовать лишь активностью народа»[26], – писал Н.А. Бердяев.

Тайна судьбы России в ее самобытности, которая, как справедливо показал Бердяев, не может быть связана со слабостью, неразвитостью, с недостатками. Русская самобытность должна наконец проявиться положительно – в мощи, в творчестве, в свободе. В зрелый период исторического существования народа самобытность должна быть свободно выраженной, смелой, творящей, обращенной вперед, а не назад. Самобытность неразрывно связана с национальной идеей, роль которой возрастает в «мировой борьбе народов»: «Русские должны в этой борьбе не только государственно и общественно перестроиться, но и перестроиться идейно и духовно… окаменелость мысли должна замениться новым идейным воодушевлением и идейным подъемом». И далее: «Созревание России до мировой роли предполагает ее духовное возрождение»[27] – таков пророческий завет Н.А. Бердяева, который сегодня актуальнее, чем когда-либо.

© Савка А.В.

[25] *Бердяев Н.А.* Анархизм – явление русского духа // Русский индивидуализм: Сб. ст. С. 173.
[26] Там же. С. 179–180.
[27] Там же. С. 191–192.